Anna Karenina

Анна Каренина

Aljona Podlesnych podľa L. N. Tolstého

Dvojjazyčná kniha
pre mierne pokročilých
mp3: text rozprávaný
rodenou hovoriacou

Anna Karenina

Vyšlo aj v tlačovej podobe

Objednať môžete na
www.albatrosmedia.sk

Lindeni

Lev Tolstoj

Anna Karenina – e-kniha
Copyright © Albatros Media a. s., 2018

Všetky práva vyhradené.
Žiadna časť tejto publikácie nesmie byť rozširovaná
bez písomného súhlasu majiteľov práv.

ALBATROS MEDIA a.s.

Lev Tolstoj

Анна Каренина

Anna Karenina

Lindeni

Анна Каренина
Anna Karenina

Lev Tolstoj

Úprava pôvodného textu: Aljona Podlesnych
Preklad: Jana Hrčková, Soňa Zigová
Ilustrácie: Petra Řezníčková
Obálka: Tomáš Krejčiřík
Zodpovedná redaktorka: Soňa Zigová
Technický redaktor: Jiří Matoušek

Translation © Albatros Media Slovakia, s. r. o.

CD nahrané: Štúdio 22
Réžia a editácia nahrávky: Mario Buzzi
Hudba: Mario Buzzi
Ruský hlas: Julia Mamonova

ISBN v tlačenej verzii 978-80-566-0636-0
ISBN e-knihy 978-80-566-0675-9 (1. zverejnenie, 2018)

Cena uvedená výrobcom predstavuje nezáväznú odporúčanú spotrebiteľskú cenu.

Vydalo nakladateľstvo Lindeni v Bratislave v roku 2018 v spoločnosti Albatros Media Slovakia s.r.o. so sídlom Mickiewiczova 9, Bratislava, Slovenská republika.
Číslo publikácie 1 478.
© Albatros Media Slovakia s.r.o., 2018. Všetky práva sú vyhradené. Žiadna časť tejto publikácie nesmie byť kopírovaná a rozmnožovaná za účelom rozširovania v akejkoľvek forme alebo akýmkoľvek spôsobom bez písomného súhlasu nakladateľa.

2. vydanie

ALBATROS MEDIA

Predhovor

Milí čitatelia,

máte pred sebou skrátenú verziu románu Anna Karenina Leva Nikolajeviča Tolstého. Originálna verzia slávneho románu má svetový význam. Autor na románe pracoval v rokoch 1873–1877. Cieľom spisovateľa bolo vytvoriť aktuálne a tvrdé polemické dielo o ruskom živote. Kompozícia diela je postavená na protiklade dvoch dejových línií – rodinná dráma Anny Kareninovej je ukázaná v kontraste k životu a domácej idyle mladého statkára Konstantina Levina, ktorého postava je blízka samotnému autorovi nielen životným štýlom, ale aj presvedčením.

Skrátená verzia románu, ktorú držíte v ruke, obsahuje len jednu dejovú líniu z pôvodnej kompozície, a to rovinu vzťahu Anny Kareninovej a Alexeja Vronského, ktorá je najdramatickejšia. Okrem samotného textu v dvoch jazykoch – slovenčine a ruštine, nájdete v publikácii tiež odkazy na historické súvislosti týkajúce sa štátnych záležitostí a spoločenského a súkromného života ruskej spoločnosti na konci 19. storočia. K textu sú pripojené výklady použitých frazeologizmov, zastaraných výrazov a gramaticko-lexikálnych zvláštností ruského jazyka v porovnaní so slovenčinou. Dôležitou prílohou knihy je audionahrávka skrátenej verzie románu v ruštine, ktorá je nahovorená rodenou hovoriacou.

Prajeme príjemné chvíle pri čítaní a počúvaní knihy!

I

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Всё смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж изменял ей с бывшей француженкой-гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме. Всё это было мучительно для всех членов семьи. Жена не выходила из своей комнаты, мужа третий день не было дома. Дети бегали по дому без присмотра.

На третий день после ссоры князь Степан Аркадьич Облонский (все его называли коротко – Стива) проснулся в своём кабинете на диване… Он вскочил, сел на диван и открыл глаза. Он вспомнил, как и почему он спит не в спальне жены, а в кабинете. Он вспомнил опять все подробности ссоры с женой, ощутил безвыходность своего положения и свою вину.

Степан Аркадьич не раскаивался в своём поступке. Он не мог раскаиваться в том, что он, 34-летний красивый влюбчивый мужчина, не был влюблён в жену. Он раскаивался только в том, что не сумел это скрыть от неё. Ему давно казалось, что жена догадывается, но смотрит на его неверность сквозь пальцы. Ему даже казалось, что она, состарившаяся, уже некрасивая 33-летняя женщина должна быть снисходительна. Но оказалось иначе. «Ах, ужасно! – твердил Степан Аркадьич. – Как хорошо всё было раньше! Она была довольна, возилась с детьми, с хозяйством. Правда, нехорошо, что любовница была гувернанткой в доме. Есть что-то пошлое в ухаживании за гувернанткой. Но ведь пока она была у нас в доме, я не позволял ничего…»

Степан Аркадьич встал и громко позвонил. Тотчас же вошёл слуга Матвей, неся платье, сапоги и телеграмму.

Степан Аркадьич прочитал телеграмму, и лицо его просияло.

– Матвей, сестра Анна Аркадьевна приедет завтра, – сказал он.

– Слава богу, – сказал Матвей, показывая, что он понимает значение этого приезда: Анна Аркадьевна, любимая сестра Степана Аркадьича, может примирить мужа с женой.

– Доложи Дарье Александровне. И вот возьми телеграмму, передай, что она скажет.

Степан Аркадьич уже был умыт, расчёсан и собирался одеваться, когда Матвей с телеграммой в руке вернулся в комнату:

Гувернáнтка – guvernantka, vychovávateľka v šľachtických rodinách, väčšinou cudzinka, najatá na výchovu a domáce vzdelávanie detí.

I

Všetky šťastné rodiny sú si navzájom podobné, každá nešťastná rodina je nešťastná po svojom.

V dome Oblonských sa všetko zamotalo. Manželka sa dozvedela, že ju manžel podvádzal s bývalou vychovávateľkou, Francúzkou, a oznámila manželovi, že s ním nebude žiť v jednom dome. To trápilo všetkých členov rodiny. Manželka nevychádzala zo svojej izby, manžel tretí deň nebol doma a deti behali po dome bez dozoru.

Tretí deň po hádke sa knieža Stepan Arkaďjič Oblonský (všetci ho volali Stiva) zobudil vo svojej pracovni na pohovke… Vyskočil, posadil sa na pohovke a otvoril oči. Spomenul si, ako a prečo spí v pracovni a nie v spálni so svojou ženou. Znovu si vybavil všetky podrobnosti hádky s manželkou a uvedomil si bezvýchodnosť situácie a svoju vinu.

Stepan Arkaďjič sa za svoj čin nekajal. Nemrzelo ho, že on, tridsaťštyriročný dobre vyzerajúci muž, ktorý sa ľahko zaľúbi, nebol zaľúbený do svojej manželky. Mrzelo ho len to, že to pred ňou nedokázal zatajiť. Už dlho sa mu zdalo, že manželka niečo tuší, ale jeho neveru prehliada. Dokonca mal dojem, že ona, zostarnutá tridsaťtriročná žena, ktorá už nie je veľmi pekná, musí byť zhovievavá. Lenže všetko bolo inak. „Ach, je to hrozné!“ tvrdil Stepan Arkaďjič. „Ako bolo prv dobre! Bola spokojná, venovala sa deťom a domácnosti. Pravda, nebolo dobré, že milenka bola u nás doma vychovávateľkou. Na dvorení guvernantke je niečo trápne. Ale predsa dokiaľ bola v našom dome, nič som si nedovolil…

Stepan Arkaďjič vstal a hlasito zazvonil. Okamžite vošiel sluha Matvej, ktorý niesol oblečenie, vysoké topánky a telegram.

Stepan Arkaďjič si telegram prečítal a tvár sa mu rozžiarila.

„Matvej, sestra Anna Arkadijevna príde zajtra,“ povedal.

„Pánboh zaplať,“ povedal Matvej, dávajúc tým najavo, že chápe význam tejto návštevy: Anna Arkadijevna, najobľúbenejšia sestra Stepana Arkaďjiča, môže manželov zmieriť.

„Informuj Dariu Alexandrovnu. Vezmi si ten telegram, daj jej ho a potom mi povedz, čo ona na to.“

Stepan Arkaďjič sa už umyl, učesal a chystal sa obliekať, keď sa Matvej s telegramom v ruke vrátil do izby:

Смотре́ть сквозь па́льцы *(fraz.)* – tváriť sa, že si nevšímate niečo nedovolené. V slovenčine tomu odpovedá význam prehliadať, ticho prechádzať niečo nedovolené.

– Дарья Александровна приказала доложить, что она уезжает.

Жалкая улыбка показалась на красивом лице Степана Аркадьича. Он медлил. Ему доложили, что карета готова, и Степан Аркадьич взял шляпу и остановился: не забыл ли чего. Оказалось, что он ничего не забыл, кроме того, что хотел забыть, – жену. Он опустил голову, и его красивое лицо приняло тоскливое выражение. «Пойти или не пойти к ней сейчас?» – говорил он себе. И внутренний голос говорил ему, что ходить не надо. Поправить их отношения невозможно, потому что нельзя сделать её привлекательной и возбуждающей. Также как и невозможно сделать его стариком, не способным любить. Кроме фальши и лжи, ничего не могло быть; а фальшь и ложь были противны его натуре. «Однако когда-нибудь же нужно; ведь не может это так оставаться», – сказал он, набираясь смелости. Он выпрямился, быстрыми шагами прошёл через мрачную гостиную и открыл другую дверь – в спальню жены.

– Долли! – сказал он тихим робким голосом.

Она быстрым взглядом оглядела с головы до ног его сияющую свежестью и здоровьем фигуру. «Да, он счастлив и доволен! – подумала она, – а я?!»

– Что тебе нужно? – сказала она.

– Долли! – повторил он с дрожанием в голосе. – Анна приедет сегодня.

– Ну что же мне? Я не могу её принять! – не глядя на него, вскрикнула она, как будто крик этот был вызван физическою болью.

Степан Аркадьич надеялся, что всё образуется. Но когда он увидел её страдальческое лицо, у него перехватило дыхание, что-то подступило к горлу, и глаза его заблестели слезами.

– Боже мой, что я сделал! Долли! – он не мог продолжать, рыдание остановилось у него в горле. – Прости! Вспомни, разве девять лет жизни не могут искупить минуты, минуты…

Она опустила глаза и слушала, ожидая, что он как-нибудь разуверит её.

– Минуты… минуты увлеченья… – выговорил он, но при этом слове поджались её губы и на лице запрыгал мускул.

– Долли! – проговорил он, уже всхлипывая. – Подумай о детях, они не виноваты. Я виноват, меня накажи. Нет слов сказать, как я виноват! Долли, прости!

Она села. Он слышал её тяжелое, громкое дыхание, и ему было невыразимо жалко её. Она несколько раз хотела начать говорить, но не могла. Он ждал.

V šľachtických rodinách v 19. storočí bolo zvykom používať **francúzske alebo anglické podoby ruských mien**, preto sa v texte románu objavujú Дóлли (Дáрья), Кúти (Екатери́на), Сти́ва (Степáн), Бéтси (Елизавéта).

„Darja Alexandrovna prikázala, aby som vám odkázal, že odchádza.“

Na peknej tvári Stepana Arkaďjiča sa objavil žalostný úsmev. Neponáhľal sa. Oznámili mu, že koč je pripravený, Stepan Arkaďjič si vzal klobúk a zarazil sa: snáď na niečo nezabudol. Vyšlo najavo, že na nič nezabudol, okrem toho, na čo zabudnúť chcel – na manželku. Sklonil hlavu a jeho pekná tvár dostala smutný výraz. „Mám, alebo nemám za ňou teraz zájsť?“ vravel si. A vnútorný hlas mu vravel, že to nie je treba. Napraviť ich vzťahy nie je možné, pretože nie je možné urobiť ju príťažlivú a vzrušujúcu. Rovnako, ako nie je možné jeho zmeniť na starca, neschopného milovať. Okrem falše a lži nemohlo byť nič; a faloš a lož boli jeho povahe odporné. „Avšak raz to predsa len bude treba; veď to nemôže takto zostať,“ povedal si, zatiaľ čo zbieral odvahu. Narovnal sa, rýchlymi krokmi prešiel cez tmavú obývaciu izbu a otvoril ďalšie dvere – do spálne svojej manželky.

„Dolly!“ povedal tichým nesmelým hlasom.

Rýchlym pohľadom si prezrela od hlavy až k päte jeho postavu žiariacu sviežosťou a zdravím. „Áno, je šťastný a spokojný!“ pomyslela si. „A čo ja?!“

„Čo potrebuješ?“ povedala.

„Dolly!“ zopakoval chvejúcim sa hlasom, „Anna dnes príde.“

„Čo je ma do toho? Nemôžem ju prijať!“ zvolala, nepozerajúc sa na neho, akoby ten výkrik vyvolala fyzická bolesť.

Stepan Arkaďjič dúfal, že sa všetko urovná. Lenže sotva uvidel jej trpiacu tvár, stratil dych, zovrelo sa mu hrdlo a v očiach sa mu zaleskli slzy.

„Bože môj, čo som to urobil! Dolly!“ nemohol pokračovať, vzlyky mu uviazli v hrdle. „Odpusť! Spomeň si, vari deväť rokov nemôže vykúpiť minúty, minúty…“

Sklopila oči a počúvala, čakala, že ju nejako presvedčí o opaku.

„Minúty…, minúty rozptýlenia…,“ vyslovil, ale pri tom slove sa jej zomkli pery a v tvári jej šklblo.

„Dolly!“ prehovoril so vzlykom. „Pomysli na deti, ony za nič nemôžu. Ja som vinný, potrestaj mňa. Moja vina sa nedá vyjadriť slovami! Dolly, odpusť mi!“

Posadila sa. Počul jej ťažký, hlasný dych a bolo mu jej nevýslovne ľúto. Niekoľkokrát chcela začať hovoriť, ale nemohla. Čakal.

V ruštine sú hojne používané **infinitívne vety**, ktoré majú funkciu zisťovacej otázky. Do slovenčiny ich môžeme preložiť opytovacími vetami typu *mám/mal by som niečo urobiť?* V prípade, že chceme oznámiť, kto má niečo urobiť, pridávame osobné zámeno alebo podstatné meno v datíve:

Пойти́ и́ли не пойти́ к ней сейча́с?	*Mám, alebo nemám za ňou teraz zájsť?*
Идти́ мне туда́ и́ли не идти́?	*Má tam ísť alebo nie?*
Что им сейча́с де́лать?	*Čo majú teraz robiť?*

– Ну, скажи, после того, что было, разве нам можно жить вместе? После того как мой муж, отец моих детей, вступает в связь с гувернанткой своих детей… Ты мне гадок, отвратителен! – закричала она, горячась всё более и более. – Твои слёзы – вода! Ты мерзок, гадок, ты чужой! – с болью и злобой произнесла она это ужасное для себя слово «чужой». – Я уеду, а ты живи здесь со своей любовницей!

И она вышла, хлопнув дверью.

Её злоба испугала и удивила его. Он не понимал, что его жалость к ней раздражала её. Она видела жалость, но не любовь. «Нет, она ненавидит меня. Она не простит», – подумал он.

Дарья Александровна по звуку кареты поняла, что он уехал и вернулась в спальню. «Уехал! Но неужели они и теперь встречаются? – думала она. – Нет, если мы и останемся в одном доме – мы чужие. Чужие! А как я любила его! И теперь разве я не люблю его?»

Степан Аркадьич занимал должность с хорошим жалованьем. Место это он получил благодаря Алексею Александровичу Каренину, мужу сестры Анны. Приехав на работу, Степан Аркадьич прошёл в свой маленький кабинет и надел мундир. Все служащие встали, весело и почтительно кланяясь. Степан Аркадьич прошёл к своему месту, пожал руки и сел.

Вдруг кто-то вошёл.

– Левин! – воскликнул Облонский. – Как это ты решился найти меня здесь? Давно ли приехал?

– Я только приехал, и очень хотелось тебя увидеть, – отвечал Левин.

Левин был одних лет с Облонским. Он был его товарищем и другом ранней молодости. Они любили друг друга, несмотря на различие характеров, вкусов и занятий. Друзья разговорились. Левин открылся Степану Аркадьичу: он приехал в Москву, чтобы сделать предложение Кити Щербацкой – свояченице Облонского. Степан Аркадьич знал, что Левин давно в неё влюблён. После короткой паузы Облонский спросил:

– А ты знаешь графа Вронского? Нет? А это один из твоих конкурентов. Вронский богат, красив, с большими связями. Это человек, который далеко пойдёт.

Левин нахмурился и замолчал.

– Ну-с, он появился здесь вскоре после тебя, – продолжал Облонский, – и, как я понимаю, он по уши влюблён в Кити. Но мне кажется, шансы на твоей стороне. Я бы советовал тебе решить это как можно скорее. Поезжай завтра утром и сделай предложение, и да благословит тебя бог…

Сде́лать предложе́ние *(fraz.)* – požiadať o ruku
Свои́ченица – manželkina sestra

„No povedz, môžeme spolu žiť po tom, čo bolo? Potom, čo si môj muž, otec mojich detí, niečo začne s ich guvernantkou… Hnusíš sa mi, si odporný!“ zakričala a stále viac sa rozohňovala. „Tvoje slzy nie sú viac než voda! Si mi odporný, hnusný, si mi cudzí!“ s bolesťou a zlosťou vyslovila to strašné slovo „cudzí“. „Ja odídem, a ty si tu ži so svojou milenkou!“

Odišla a buchla za sebou dvermi.

Jej zlosť ho vydesila a prekvapila. Nechápal, že jeho ľútosť ju dráždila. Videla ľútosť, ale nie lásku. „Nie, nenávidí ma. Neodpustí mi,“ pomyslel si.

Darja Alexandrovna podľa zvuku kočiara pochopila, že odišiel, a vrátila sa do spálne. „Odišiel! Ale je možné, že by sa i teraz ešte schádzali?“ myslela si „Nie, i keď by sme zostali v jednom dome – sme si cudzí. Cudzí! A ako som ho ľúbila! A teraz, či už ho neľúbim?“

Stepan Arkaďjič zastával úrad s dobrým platom. Toto miesto získal vďaka Alexejovi Alexandrovičovi Kareninovi, manželovi svojej sestry Anny. Keď Stepan Arkaďjič prišiel do práce, vošiel do svojej malej kancelárie a obliekol si uniformu. Všetci zamestnanci povstali a veselo a úctivo sa klaňali. Stepan Arkaďjič prešiel na svoje miesto, potriasol si so všetkými rukami a sadol si.

Zrazu ktosi vstúpil.

„Levin!“ zvolal Oblonský. „Ako to, že si sa rozhodol ma tu nájsť? Si tu už dlho?“

„Práve som prišiel a veľmi som ťa chcel vidieť,“ odpovedal Levin.

Levin bol rovnako starý ako Oblonský. Bol jeho priateľom z rannej mladosti. Mali sa radi bez ohľadu na svoje rôzne povahy, vkus a to, čím sa zaoberali. Priatelia sa začali rozprávať. Levin prezradil Stepanovi Arkaďjičovi, že prišiel do Moskvy, aby požiadal o ruku Kitty Ščerbackú – švagrinú Oblonského. Stepan Arkaďjič vedel, že Levin ju už dávno miluje. Po krátkej prestávke sa Oblonský spýtal:

„Poznáš grófa Vronského? Nie? A pritom je to jeden z tvojich sokov. Vronský je bohatý, dobre vyzerá, má dôležité styky. Je to človek, ktorý sa dostane ďaleko.“

Levin sa zachmúril a zmĺkol.

„No, objavil sa krátko po tebe,“ pokračoval Oblonský, „a ak tomu rozumiem, je až po uši zamilovaný do Kitty. Mne sa však zdá, že šance sú na tvojej strane. Odporúčam ti riešiť to čo najskôr. Choď zajtra ráno a požiadaj ju o ruku. Boh ti žehnaj…“

Pridaním hlásky «с», vyjadrujúcej skratku slova «сýдарь» – „milosťpán“, sa v jazyku starých šľachticov vyjadrovalo zachovanie starých dobrých tradícií, vlastenectva a úcty k starším. Táto častica je však zastaraná a v súčasnej ruštine sa už nepoužíva.

II

Княжне Кити Щербацкой было восемнадцать лет. Частые посещения Левина в течение всей зимы и нескрываемая любовь к Кити стали поводом для первых серьёзных разговоров между родителями Кити. Князь был на стороне Левина, говорил, что он ничего не желает лучшего для Кити. Княгиня же ждала лучшей партии для дочери, а Левин был ей несимпатичен. Когда он внезапно уехал, княгиня была рада. Когда же появился Вронский, она ещё более была рада: Кити должна сделать не просто хорошую, но блестящую партию.

Вронский был очень богат, умён, знатен и обворожителен. Нельзя было ничего лучшего желать. На балах Вронский ухаживал за Кити, танцевал с ней и ездил в дом к Щербацким, и нельзя было сомневаться в серьёзности его намерений. Но несмотря на это, мать Кити всю зиму находилась в беспокойстве и волнении. На прошлой неделе Кити рассказала ей о своём разговоре с Вронским. Разговор этот только отчасти успокоил княгиню. Вронский сказал Кити, что он так привык во всём подчиняться своей матери, что никогда не решится предпринять что-нибудь важное, не посоветовавшись с ней. «И теперь я жду, как особенного счастья, приезда матушки из Петербурга», – закончил он. Кити рассказала это, не придавая никакого значения этим словам. Но мать поняла это иначе.

Когда Кити узнала о неожиданном прибытии Левина, она догадалась, зачем он явился после долгого перерыва. Когда она размышляла о прошлом, она с удовольствием, с нежностью думала о Левине. Его любовь к ней была лестна и радостна для неё. И ей легко было вспомнать о Левине. А к воспоминанию о Вронском примешивалось что-то неловкое, как будто в его чувствах к ней была какая-то фальшь. Но зато когда она думала о будущем с Вронским, перед ней вставала блестящая перспектива. С Левиным же будущее представлялась туманным.

Слуга доложил: «Константин Дмитрич Левин». «Так и есть», – подумала Кити, и кровь прилила ей к сердцу. Она ужаснулась своей бледности, взглянув в зеркало. Она понимала, что он приехал рано, чтобы застать её одну и сделать предложение. И тут только в первый раз всё дело представилось ей совсем с другой, новой стороны. Она должна оскорбить человека, которого она любит. И оскорбить жестоко… За что? За то, что он влюблён в неё. Но делать нечего, так нужно.

Сде́лать блестя́щую па́ртию *(fraz.)* – dobre sa vydať

II

Kňažná Kitty Ščerbacká mala osemnásť rokov. Časté Levinove návštevy v priebehu celej zimy a neskrývaná láska ku Kitty sa stali dôvodom pre prvé vážne rozhovory medzi Kittinými rodičmi. Knieža nadŕžal Levinovi, vravel, že si pre Kitty nepraje nič lepšie. Kňažná však pre dcéru čakala lepšiu partiu, Levin jej nebol sympatický. Keď náhle odišiel, bola rada. A keď sa objavil Vronský, bola ešte radšej: Kitty sa nesmie vydať len dobre, ale skvele.

Vronský bol veľmi bohatý, inteligentný, urodený a očarujúci. Nebolo možné si priať nič lepšie. Na báloch sa Vronský Kitty dvoril, tancoval s ňou a jazdil domov k Ščerbackým – pochybovať o vážnosti jeho zámerov nebolo možné. Avšak Kittina matka prežila celú zimu v nepokoji a obavách. Minulý týždeň jej Kitty rozprávala o svojom rozhovore s Vronským. Tento rozhovor upokojil kňažnú len čiastočne. Vronský povedal Kitty, že si natoľko zvykol podriadiť sa vo všetkom svojej matke, že sa nikdy neodhodlá podniknúť niečo dôležité, bez toho by sa s ňou poradil. „A teraz čakám obzvlášť šťastne na príchod matičky z Petrohradu," zakončil. Kitty to rozprávala a jeho slovám neprisudzovala žiadny veľký význam. Matka ich však pochopila inak.

Keď sa Kitty dozvedela o Levinovom nečakanom príchode, uhádla, prečo sa objavil po takej dlhej prestávke. Keď premýšľala o minulosti, myslela na Levina s potešením a nežnosťou. Jeho láska jej lichotila a tešila ju. A na Levina spomínala s ľahkosťou. Ku spomienkam na Vronského sa pridávalo niečo zvláštne, akoby v jeho citoch k nej bola akási faloš. Zato však, keď premýšľala o budúcnosti s Vronským, zjavovala sa pred ňou žiarivá perspektíva. S Levinom sa budúcnosť javila zastrená.

Sluha oznámil: „Konstantin Dmitrič Levin". „A je to tu," pomyslela si Kitty a srdce sa jej rozbúšilo. Keď sa na seba pozrela do zrkadla, vystrašila ju jej bledosť. Uvedomovala si, že prišiel skoro, aby ju zastihol samotnú a požiadal ju o ruku. A vtedy sa jej prvýkrát celá záležitosť vyjavila z celkom inej, novej stránky. Musí ublížiť človekovi, ktorého ľúbi. A kruto ublížiť… Za čo? Za to, že ju ľúbi. Nedá sa však nič robiť, musí to tak byť.

Menné (krátke) tvary prídavných mien sa na rozdiel od zložených tvarov používajú v ruštine iba v prísudku.

Вро́нский был о́чень бога́т, умён, зна́тен и обворожи́телен.	*Vronský bol veľmi bohatý, inteligentný, urodený a očarujúci.*
Его́ любо́вь была́ лестна́ и ра́достна для неё.	*Jeho láska jej lichotila a tešila ju.*

«Боже мой, неужели это я сама должна сказать ему? – подумала она. – Ну что я скажу ему? Неужели я скажу ему, что я его не люблю? Это будет неправда. Что ж я скажу ему? Скажу, что люблю другого? Нет, это невозможно».

– Я не вовремя, кажется, слишком рано, – сказал он, оглянув пустую гостиную.

– Но я только того и хотел, чтобы застать вас одну, – начал он, не садясь и не глядя на неё, чтобы не потерять смелости.

Она всё ниже и ниже склоняла голову, сама не зная, что будет отвечать.

– Я хотел сказать… я хотел сказать… Я приехал, чтобы… будьте моей женой! – проговорил он, не зная сам, что говорит. Он остановился и посмотрел на неё.

Она тяжело дышала, не глядя на него. Она испытывала восторг. Душа её была переполнена счастьем. Она не ожидала, что высказанная его любовь произведёт на неё такое сильное впечатление. Но это продолжалось только одно мгновение. Она вспомнила Вронского. Она подняла на Левина свои светлые правдивые глаза и поспешно ответила:

– Этого не может быть… простите меня…

Как за минуту тому назад она была близка ему, как важна для его жизни! И как теперь она стала чужда и далека ему!

Он поклонился и хотел уйти…

Но в это время вышла княгиня. На её лице изобразился ужас, когда она увидела их одних и их расстроенные лица. Левин поклонился ей и ничего не сказал. Кити молчала, не поднимая глаз. «Слава богу, отказала», – подумала мать, и лицо её просияло обычной улыбкой, с которой она встречала гостей. Она села и начала расспрашивать Левина о его жизни в деревне. Он сел опять, ожидая приезда гостей, чтоб уехать незаметно.

Через пять минут в числе других гостей вошёл мужчина. «Это должен быть Вронский», – подумал Левин и, чтоб убедиться в этом, взглянул на Кити. По одному взгляду её просиявших глаз Левин понял, что она любила этого человека.

Вронский был невысокий, плотно сложенный брюнет, с красивым, спокойным лицом. Он подошёл к княгине и потом к Кити. Когда он подходил к ней, его красивые глаза особенно нежно заблестели, и с чуть заметной счастливой улыбкой он почтительно и осторожно протянул ей руку.

Časové predložky v ruštine:

чéрез 5 минýт	*o 5 minút*
5 минýт спустя́	*5 minút potom / po uplynutí 5 minút*
100 лет томý назáд	*pred 100 rokmi*
в течéние 100 лет	*počas 100 rokov*

„Bože môj, naozaj mu to musím povedať ja sama?“ pomyslela si. „Čo mu mám povedať? Mám mu povedať, že ho neľúbim? To nebude pravda. Čo mu teda poviem? Poviem mu, že ľúbim iného? Nie, to nie je možné.“

„Idem nevhod, zdá sa, je príliš skoro,“ povedal a prezrel si prázdny salón.

„Chcel som vás len zastihnúť samotnú,“ začal, ani si nesadol, ani sa na ňu nepozrel, aby nestratil odvahu.

Skláňala hlavu nižšie a nižšie, sama nevedela, čo odpovie.

„Chcel som povedať…, chcel som povedať… Prišiel som, aby… Buďte mojou ženou!“ povedal a sám nevedel, čo vraví. Odmlčal sa a pozrel na ňu.

Ťažko dýchala, nepozerala sa na neho. Cítila nadšenie. Jej duša prekypovala šťastím. Nečakala, že vyznanie lásky na ňu tak silno zapôsobí. Trvalo to však len okamih. Spomenula si na Vronského. Pozdvihla k Levinovi svoje svetlé úprimné oči a rýchlo odpovedala.

„Nie je to možné… Odpusťte mi…“

Aká mu pred minútou bola blízka, aká dôležitá v jeho živote! A ako sa mu teraz odcudzila a vzdialila!

Poklonil sa a chcel odísť…

Ale v tej chvíli vošla kňažná. Na tvári sa jej objavila hrôza, keď ich videla samotných a zbadala ich rozrušené tváre. Levin sa jej poklonil a nič nepovedal. Kitty mlčala a klopila oči. „Chvála bohu, odmietla ho,“ pomyslela si matka a tvár sa jej rozžiarila obvyklým úsmevom, ktorým vítala hostí. Sadla si a začala sa vypytovať Levina na jeho život na vidieku. Znovu si sadol a čakal na príchod hostí, aby mohol nenápadne odísť.

O päť minút vošiel medzi ostatnými hosťami muž. „To musí byť Vronský,“ napadlo Levina, a aby sa o tom presvedčil, pozrel sa na Kitty. Podľa jediného pohľadu jej rozžiarených očí Levin pochopil, že tohto človeka ľúbi.

Vronský bol menší, dobre stavaný brunet s krásnou, pokojnou tvárou. Pristúpil ku kňažnej a potom ku Kitty. Keď sa k nej približoval, zaleskli sa jeho krásne oči obzvlášť nežne a so sotva zreteľným šťastným úsmevom jej úctivo a opatrne podal ruku.

Ak sú v ruskej **účelovej vete** oba činitelia rovnakí, v prísudku vedľajšej vety sa používa infinitív:

Он сел опя́ть, ожида́я прие́зда госте́й, чтоб уе́хать незаме́тно.
(V oboch prípadoch je činiteľ on.)
Znovu si sadol a čakal na príchod hostí, aby mohol nenápadne odísť.

Ле́вин прие́хал, что́бы проси́ть Ки́ти стать его́ жено́й.
(V oboch prípadoch je činiteľ Levin.)
Levin prišiel, aby požiadal Kitty o ruku.

Левин хотел незаметно ускользнуть. И тут вошёл старый князь и обратился к Левину.

– А! – начал он радостно. – Давно ли? Я и не знал, что ты тут. Очень рад вас видеть.

Старый князь иногда «ты», иногда «вы» говорил Левину. Он обнял Левина и, говоря с ним, не замечал Вронского, который встал и спокойно дожидался, когда князь обратится к нему. Кити почувствовала, как холодно её отец ответил на поклон Вронского. И как Вронский с недоумением посмотрел на него, стараясь понять, за что князь был к нему недружелюбным.

Когда вечер кончился, Кити рассказала матери о разговоре с Левиным, и, несмотря на жалость к нему, её радовала мысль, что ей было сделано предложение. У неё не было сомнения, что она поступила правильно. «Жалко, но что делать? Я не виновата», – говорила она себе; но внутренний голос говорил ей другое. Её счастье было отравлено сомнениями.

На балах Вронский танцевал преимущественно с Кити. Он говорил с ней о том, о чём говорят обычно: разную чепуху. Однако он чувствовал, что она всё более зависела от него. И чем больше он это чувствовал, тем ему было приятнее, и его чувство к ней становилось нежнее. Но в этот вечер Вронский почувствовал, что духовная связь, которая возникла между ним и Кити, утвердилась так сильно, что надо что-то предпринять. «То и прелестно, – думал он, возвращаясь от Щербацких, – что ничего не сказано, но мы понимаем друг друга в разговоре взглядов и интонаций. А это яснее, чем если бы она сказала, что любит. Мило, просто и доверчиво! Мне хорошо, и ей хорошо».

III

На другой день Вронский выехал на станцию Петербургской железной дороги встречать мать. Там он встретил Облонского, ожидавшего этим же поездом сестру.

– Ты за кем? – крикнул ему Облонский.

– Я за матушкой. Она должна приехать из Петербурга. А ты кого встречаешь?

– Я? Хорошенькую женщину, – сказал Облонский, – сестру Анну.

– Ах, Каренину? – спросил Вронский.

– Ты её знаешь?

– Кажется, знаю, – отвечал Вронский, представляя при имени Карениной что-то скучное.

– Но Каренина, моего знаменитого зятя, наверное, ты знаешь. Его весь мир знает.

V ruštine 19. storočia bolo **vykanie** považované za znak vzdelanosti, rovnako ako v dnešnej ruštine. Okrem toho vykanie zdôrazňovalo oficialitu a úctu. Na druhej strane tykanie značilo blízkosť, dôvernosť. Tak ako vykanie udržuje vzdialenosť medzi ľuďmi, **tykanie** naopak túto vzdialenosť veľmi skracuje.

Levin sa chcel nenápadne vytratiť. Tu však vstúpil starý knieža a obrátil sa na Levina.

„Ach!“ začal radostne. „Si tu už dlho? Ani som nevedel, že si tu. Veľmi rád vás vidím.“

Starý knieža Levinovi niekedy tykal, niekedy vykal. Objal Levina, a zatiaľ čo sa ním rozprával, nevšímal si Vronského, ktorý povstal a pokojne vyčkával, kedy sa knieža obráti k nemu. Kitty pocítila, ako chladne jej otec odpovedal na poklonu Vronského. A ako na neho Vronský nechápavo pozrel a snažil sa prísť na to, prečo bol k nemu knieža nepriateľský.

Keď večer skončil, rozprávala Kitty matke o rozhovore s Levinom a bez ohľadu na ľútosť, ktorú k nemu pociťovala, tešila ju myšlienka na to, že ju požiadal o ruku. Nepochybovala o tom, že sa zachovala správne. „Je mi to ľúto, ale čo sa dá robiť? Nie je to moja vina,“ vravela si; vnútorný hlas jej však vravel niečo iné. Jej šťastie kalili pochybnosti.

Na báloch Vronský tancoval predovšetkým s Kitty. Rozprával sa s ňou o rôznych nezmysloch, ako sa to obvykle robí. Cítil však, že je na ňom stále viac závislá. A čím viac to cítil, tým príjemnejšie mu to bolo a jeho cit k nej bol nežnejší. Ale toho večera Vronský pocítil, že duchovné spojenie, ktoré vzniklo medzi ním a Kitty, sa upevnilo natoľko, že bolo treba niečo podniknúť. „To je práve to úžasné,“ pomyslel si, keď sa vracal od Ščerbackých, „že si rozumieme bez slov, iba z pohľadov a intonácie. A bolo by to ešte jasnejšie, keby povedala, že ma ľúbi. Milé, prosté a dôverné! Mne je dobre a jej je dobre.“

III

Nasledujúci deň odišiel Vronský na Petrohradskú stanicu privítať matku. Tam stretol Oblonského, čakajúceho na sestru, ktorá mala prísť rovnakým vlakom.

„Na koho čakáš?“ zavolal na neho Oblonský.

„Na matičku. Má prísť z Petrohradu. A na koho čakáš ty?“

„Ja? Na pôvabnú ženu,“ povedal Oblonský, „na sestru Annu.“

„Ach, Kareninu?“ spýtal sa Vronský.

„Ty ju poznáš?“

„Myslím, že áno,“ odpovedal Vronský, predstavujúc si pod menom Karenina niečo nudné.

„Ale Karenina, môjho slávneho švagra, poznáš určite. Pozná ho celý svet.“

Na rozdiel od slovenčiny sa **ruské *pad*** nepoužíva s určitým slovesným tvarom. Najčastejšie sa spája s infinitívom, s vedľajšou vetou alebo s datívom:

Óчень рад вас ви́деть. *Veľmi rád vás vidím.*

– Знаю, что он важный, умный и учёный… Ну что ж, тогда в воскресенье отужинаем? – сказал Вронский, с улыбкой взяв Облонского под руку.

– Непременно. А ты вчера познакомился с моим приятелем Левиным?

– Да, но он почему-то быстро уехал.

– Он немного нервный человек, но честная, правдивая натура, и золотое сердце. Но вчера была причина, почему он мог быть или особенно счастлив, или особенно несчастлив.

И тут Вронского осенило! Он понял, что вчера произошло у Щербацких.

– То есть он вчера сделал предложение твоей belle soeur?…

– Да, и если он рано уехал и был не в духе, то… Он так давно влюблён, и мне его жаль!

– Вот как!.. Я думаю, впрочем, что она может рассчитывать на лучшую партию, – сказал Вронский. – Однако вот и поезд.

Вдали засвистел паровоз. Вронский, стоя рядом с Облонским, оглядывал вагоны, но совершенно забыл о матери. То, что он сейчас узнал про Кити, возбуждало и радовало его. Он чувствовал себя победителем.

– Графиня Вронская в этом отделении, – сказал кондуктор, подходя к Вронскому.

При входе в вагон Вронский остановился, чтобы дать дорогу выходившей даме. Он извинился и направился в вагон, но почувствовал желание ещё раз взглянуть на неё. Не потому, что она была очень красива, не по тому изяществу и скромной грации, которые были во всей её фигуре. А потому, что в выражении миловидного лица было что-то особенно ласковое и нежное. Когда он оглянулся, она тоже повернула голову.

Вронский вошёл в вагон. Его мать, сухая старушка с чёрными глазами, увидев сына, слегка улыбнулась тонкими губами.

– Хорошо доехали? – сказал сын, невольно прислушиваясь к женскому голосу из-за двери. Он знал, что это был голос той дамы, которая встретилась ему при входе.

– Посмотрите, не тут ли мой брат, и пошлите его ко мне, – сказала кому-то дама.

Вронский теперь понял, что это была Каренина.

– Ваш брат здесь, – сказал он. – Извините меня, я не узнал вас, да и наше знакомство было так коротко, – сказал Вронский, кланяясь, – что вы, верно, не помните меня.

– О нет, – я бы вас узнала, потому что мы с вашей матушкой, кажется, всю дорогу говорили только о вас, – сказала она, улыбаясь. – А брата моего всё-таки нет.

Золото́е се́рдце *(fraz.)* – láskavý, dobrý človek
Belle soeur *(fran.)* – sestra manželky a bratova manželka

„Viem, že je vážený, inteligentný a vzdelaný… Tak čo, navečeriame sa spolu v nedeľu?“ povedal Vronský a s úsmevom vzal Oblonského pod pazuchu.

„Rozhodne. A zoznámil si sa včera s mojím priateľom Levinom?“

„Áno, lenže nevedno prečo, rýchlo odišiel.“

„Je to trochu nervózny, avšak čestný, pravdovravný človek a má zlaté srdce. Včera sa však vyskytol dôvod, prečo mohol byť buď veľmi šťastný, alebo veľmi nešťastný.“

A zrazu Vronskému svitlo! Pochopil, čo sa odohralo včera u Ščerbackých.

„To znamená, že včera požiadal o ruku tvoju belle soeur?“

„Áno, a ak odišiel skoro a nebol vo svojej koži, potom… Je dávno zaľúbený a je mi ho ľúto!“

„Tak takto to je! Napokon, myslím si, že môže počítať s lepšou partiou,“ povedal Vronský. „Hľa, vlak už je tu.“

V diaľke zahvízdala lokomotíva. Vronský stál vedľa Oblonského, rýchlo prezeral vozne, na matku však celkom zabudol. To, čo sa práve dozvedel o Kitty, ho vzrušovalo a tešilo. Cítil sa ako víťaz.

„Grófka Vronská je v tomto vozni,“ povedal sprievodca, keď prišiel k Vronskému.

Pri vstupe do vozňa sa Vronský zastavil, aby uvoľnil cestu vychádzajúcej dáme. Ospravedlnil sa a vstúpil do vozňa, pocítil však potrebu ešte raz sa na ňu pozrieť. Nie preto, že bola veľmi krásna, nie pre tú eleganciu a skromnú gráciu, ktoré boli zreteľné v celej jej postave. Ale preto, že vo výraze pôvabnej tváre bolo niečo láskavé a nežné. Keď sa obzrel, ona tiež otočila hlavu.

Vronský sa vydal do vozňa. keď jeho matka, chudá starenka s čiernymi očami, zazrela svojho syna, jej tenké pery sa zľahka usmiali.

„Prišli ste dobre?“ povedal syn a mimovoľne sa započúval do ženského hlasu za dvermi. Vedel, že to bol hlas tej dámy, ktorú stretol pri vchode.

„Pozrite sa, či tu nie je môj brat a pošlite ho za mnou,“ povedala komusi.

Vronský teraz pochopil, že to bola Karenina.

„Váš brat je tu,“ povedal. „Prepáčte, nepoznal som vás, videli sme sa len krátko,“ predniesol Vronský s poklonou, „pravdepodobne sa na mňa nepamätáte.“

„Ó nie, poznala by som vás, pretože sme s vašou matičkou celú cestu hovorili len o vás,“ povedala s úsmevom. „A môj brat tu nie je.“

Neurčité zámená a príslovky s časticou *-mo* označujú istý, ale pre hovoriaceho neznámy predmet alebo osobu:

Ле́вин почему́-то бы́стро уе́хал. *(Mal istý dôvod, ale ten nie je hovoriacemu známy.)*

Levin nevedno prečo rýchlo odišiel.

– Позови же его, Алёша, – сказала старая графиня.

Вронский вышел на платформу и крикнул:

– Облонский! Здесь!

Но Каренина, не дожидаясь брата, решительным лёгким шагом вышла из вагона. Брат подошёл к ней. И движением, поразившим Вронского своей решительностью и грацией, она обхватила Облонского левой рукой за шею, быстро притянула к себе и крепко поцеловала. Вронский, не спуская глаз, смотрел на неё и, сам не зная чему, улыбался.

Через несколько минут Каренина вернулась в вагон, чтобы проститься с графиней.

– Ну вот, графиня, вы встретили сына, а я брата, – весело сказала она. – И все мои дорожные истории закончились; дальше нечего было бы рассказывать.

– Ну, нет, – сказала графиня, – я бы с вами объехала вокруг света и не соскучилась. Вы одна из тех женщин, с которыми и поговорить и помолчать приятно. – А о сыне вашем, пожалуйста, не думайте: нельзя же никогда не разлучаться. Ну, прощайте, мой дружок, – проговорила графиня. – И дайте поцеловать ваше хорошенькое личико. Я полюбила вас.

Вронский провожал Каренину глазами, и улыбка оставалась на его лице. В окно он видел, как она подошла к брату и что-то оживлённо начала говорить. Вронский взял под руку мать. И когда они выходили из вагона, вдруг несколько человек с испуганными лицами пробежали мимо. Очевидно, что-то случилось.

– Что?.. Где?.. Бросился!.. Задавило!.. – слышалось между проходившими.

Степан Аркадьич с сестрой под руку, тоже с испуганными лицами, вернулись и остановились у входа в вагон. Дамы остались, а Вронский со Степаном Аркадьичем пошли за народом узнавать подробности. Стало известно, что какой-то человек, был ли он пьян или слишком закутан от сильного мороза, не слышал поезда, и его раздавило. Облонский и Вронский видели обезображенный труп. Облонский морщился и, казалось, готов был плакать.

– Ах, какой ужас! Ах, Анна, если бы ты видела! Ах, какой ужас! – приговаривал он.

Проходившие мимо люди переговаривались о том, что случилось:

– Вот смерть-то ужасная! – сказал какой-то господин. – Говорят, на два куска.

Вронский молчал, и красивое лицо его было серьёзно, но совершенно спокойно.

Каренина села в карету, и Степан Аркадьич с удивлением увидел, что её губы дрожат и она с трудом сдерживает слёзы.

Дружóк – žartovná, neformálna forma oslovenia priateľa. Zvlášť obľúbená v 19. storočí, používa sa však i v súčasnej ruštine.